

Научная статья
УДК 316.422, 332.145
DOI: 10.17323/1999-5431-2022-0-3-171-192

МОНОГОРОДА УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА: МАТРИЦА РИСКОВ РАЗВИТИЯ

Фомин Максим Витальевич¹,
Смирнов Олег Олегович²,
Мирязов Тимур Робертович³

^{1,2,3} Институт демографических исследований (ИДИ) ФНИСЦ РАН;
119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1.

¹ Кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник; mvfomin@mail.ru;
ORCID: 0000-0001-6685-1500

² Младший научный сотрудник; olegsmirnov54@gmail.com; ORCID: 0000-0003-2684-2217

³ Младший научный сотрудник; miryazov_timur@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9143-1740

Аннотация. Объектом исследования являются моногорода Уральского федерального округа (УФО). Исходя из изучения их особенностей, в качестве инструмента выявления потенциала была выстроена их типология, а также разработаны перспективные модели и сценарии пространственного развития. В основе исследования – анализ статистических материалов, нормативно-законодательных актов РФ, стратегий, а также проведенные авторами невключенные наблюдения и экспертные интервью (экспедиции 2020–2022 гг.). Исследование показало, что среди моногородов УФО преобладают поселения со сложным социально-экономическим положением либо с рисками его ухудшения, в Свердловской и Челябинской областях моногорода формируют монопрофильные районы. Рассмотрены прогнозные сценарии пространственного развития уральских монопоселений: «местный» (развитие моногородов только силами администраций городов и поселений), «региональный» (участие в развитии моногородов сил и средств регионального уровня) и «федеральный» (развитие моногородов с помощью целенаправленной, скоординированной государственной политики на уровне всей страны). Для более наглядной визуализации результатов использован метод картографирования в оригинальной разработке. Авторы пришли к выводу, что при синхронизированной федеральной и региональной поддержке классические ресурсные специализации моногородов могут развиваться в отраслях нового технологического уклада.

Для системного улучшения ситуации в монопоселениях Урала и предотвращения кризисных явлений в них в первую очередь необходимы меры, ориентированные на повышение конкурентоспособности градообразующих предприятий, а также на увеличение социальной нагрузки для крупного бизнеса – владельцев градообразующих предприятий.

Ключевые слова: Урал, моногород, градообразующее предприятие, система расселения, занятость, пространственное развитие.

Для цитирования: Фомин М.В., Смирнов О.О., Мирязов Т.Р. Моногорода Уральского федерального округа: Матрица рисков развития // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 3. С. 171–192. DOI: 10.17323/1999-5431-2022-0-3-171-192.

Благодарность: Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00924А.

Original article
DOI:

COMPANY TOWNS OF THE URAL FEDERAL DISTRICT: DEVELOPMENT RISK MATRIX

Maxim V. Fomin¹,
Oleg O. Smirnov²,
Timur R. Miriazov³

^{1,2,3} Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS);
6/1 Fotievoi Str., 119333 Moscow, Russia

¹ PhD (in Politics), Lead Researcher; mvfomin@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6685-1500

² Junior Researcher; olegsmirnov54@gmail.com; ORCID: 0000-0003-2684-2217

³ Junior Researcher; miryazov_timur@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9143-1740

Abstract. The study focuses on company towns of the Ural Federal District (UFD). Based on the analysis of the features of these settlements' development, their typology was built as a tool for identifying the potential; and promising models and scenarios of spatial development were suggested. The research is based on the analysis of statistical materials, regulatory and legislative acts of the Russian Federation, as well as unconnected observations and expert interviews conducted by the authors on expeditions in 2020–2022.

The study showed that among the company towns of the UFD region, settlements with a difficult socio-economic situation or with risks of its deterioration prevail. In addition, company towns form single-industry districts in the Sverdlovsk and Chelyabinsk regions. Promising scenarios of spatial development of Ural mono-settlements are considered: «local» (the development of company towns only by the administrations of cities and settlements), «regional» (participation in the development of company towns of forces and means at the regional level) and «federal» (the development of company towns with the help of a purposeful, coordinated state policy at the level of the whole country). For a more visual visualization of the results, the mapping method in the original development was used. According to the results of the study, it is concluded that with synchronized federal and regional support, the classic resource specializations of company towns can develop in the branches of a new techno paradigm. In order to systematically improve the situation in the mono-settlements of the Urals and prevent crisis phenomena in them, first of all, measures are needed aimed at increasing the competitiveness of city-forming enterprises, as well as increasing the social burden of large businesses – owners of city-forming enterprises.

Keywords: Ural, company town, settlement system, city-forming enterprise, employment, spatial development.

For citation: Fomin, M. V., Smirnov, O. O. and Miriazov, T. R. (2022) 'Company towns of the Ural Federal District: Development risk matrix', *Public Administration Issues*, 3, pp. 171–192. DOI: 10.17323/1999-5431-2022-0-3-171-192. (In Russian).

JEL Classification: R120, R150, R580

Acknowledgement: The reported study was funded by RFBR according to the research project № №20-010-00924A.

Введение

Развитие моногородов Уральского федерального округа (УФО) давно находится в зоне особого внимания российских ученых. Отмечается, что данные поселения длительно сталкиваются с большим спектром неразрешенных проблем. В первую очередь, речь идет о сокращении населения.

По данным Росстата (полные данные есть для 313 монопрофильных поселений из 321), с 2020 по 2021 г. ни в одном из монопрофильных поселений России с наиболее сложным социально-экономическим положением не было положительного роста численности населения (96 поселений). Средняя динамика численности населения за представленный период составляет -1,5%. Аналогичная ситуация наблюдается в монопрофильных поселениях с рисками ухудшения социально-экономического положения. Убыль населения менее выражена и составляет -1,2%. В этой группе появляются города с положительной динамикой – всего 11,6% от общего количества поселений группы (17 из 146 поселений). Средний темп прироста в них составляет 0,8%. Наконец, в моногородах со стабильным положением ситуация наиболее

благоприятная, однако все равно недостаточно положительная – население в среднем убыло на -1%. Положительная динамика наблюдается также в 11,8% (9 из 76 ед.), средний темп прироста в них – 0,9%.

Таким образом, динамика численности населения по всем моногородам в период 2020–2021 гг. составила -1,2%. Это не значительно, но все же выше общероссийского показателя (-0,4%) за это же время.

Следующая проблема – отсутствие современной инфраструктуры, развитие которой должно способствовать притоку инвестиций. Данную проблему в свое время пытался решить организованный Внешэкономбанком «Фонд развития моногородов» (далее – Фонд).

Реализуя программу «Комплексное развитие моногородов», Фонд планировал обеспечить потребности моногородов в теплоснабжении, водоснабжении/водоотведении, электроснабжении, газоснабжении, а также в транспортной инфраструктуре. Согласно результатам обсуждения круглого стола на тему «Проблемы развития инфраструктуры в моногородах», проведенного в Совете Федерации РФ 20 февраля 2018 г.,¹ по состоянию на 1 февраля 2018 г. введено в эксплуатацию всего 30 объектов инфраструктуры в 13 моногородах (4% всех моногородов).

Как было указано в открытом отчете Счетной палаты РФ о результатах мониторинга реализации этой комплексной программы Фонда,² программа завершилась 1 января 2019 г. (на семь лет раньше срока). Есть основания полагать, что ситуация с неразвитостью инфраструктуры актуальна до сих пор.

Наконец, с учетом актуальной политической обстановки, в 2022 г. моногорода оказались в большой степени подвержены санкционным ограничениям. Согласно докладу Центра стратегических разработок (ЦСР),³ по состоянию на июль 2022 г. до трети градообразующих предприятий попали под прямые секторальные и персональные санкции. Это может вызвать сокращение рабочих мест (практика неполной занятости), падение темпов производства, а также снижение заработной платы и полное закрытие градообразующих предприятий. Не стоит забывать о моногородах, которые в санкции не включены напрямую, но все равно пострадали или пострадают от смежных факторов.

Об остальных не менее важных проблемах было сказано ранее в научном сообществе. За последние 10–12 лет отечественными учеными неоднократно упоминались: недостаточная действенность государственной политики (Иванов, Бухвальд, 2017); низкая конкурентоспособность градообра-

¹ «Проблемы развития инфраструктуры в моногородах // Сайт Совета Федерации. URL: <https://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/91249/>.

² Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг и оценка хода реализации приоритетной программы «Комплексное развитие моногородов» // Бюллетень Счетной палаты. 2019. № 7 (259). URL: <https://audit.gov.ru/upload/iblock/1a5/1a5fb021746e6c823bc8457f6e200a0c.pdf?ysclid=17940ix3or888795872>.

³ Риски 2022: градообразующие организации и моногорода // Доклад Центра стратегических разработок. Июль 2022. URL: <https://www.csr.ru/ru/publications/riski-2022-gradoobrazuyushchie-organizatsii-monogoroda/>.

зующих предприятий (Иванова, 2018); влияние институциональных проблем на рост моногородов (Шаститко, Фатихова, 2015); слабая адаптация градообразующих предприятий к условиям рынка (Чаркина, Мирошников, 2017); необходимость децентрализации ресурсов, выделяемых государством (Дмитриева, 2017); уязвимость к кризисным спадам в экономической системе (Пятшева, 2019).

Кроме того, наиболее проблемным моногородам Урала посвящена статья К. В. Аверкиевой, Е. В. Антонова, Е. А. Денисова и А. М. Фаддеева (2015). В работе, написанной по результатам полевого исследования, авторы отметили значимость производственных связей для поддержания целостности системы расселения. В статьях Р. Р. Зайнутдинова (2015), Г. В. Кутергиной и А. В. Лапина (2015), Н. Ю. Замятиной и А. Н. Пилясова (2016) рассматриваются вопросы происхождения монопоселений и проанализирован опыт, в том числе международный, реорганизации и реструктуризации подобных территорий. Авторами исследуется актуальное состояние моногородов через призму принятых управленческих решений.

Проблемами моногородов в России занимаются в большей степени отечественные специалисты. Тем не менее явления, связанные с монопоселениями, являются важной частью международной научной деятельности в сфере социально-экономического развития территорий. Особого внимания заслуживают работы казахстанских ученых в этом направлении, например, А. Б. Каримова, М. Б. Алишева, Т. Т. Турсынова (2016). В своих трудах Н. К. Нурланова (2016), Л. Л. Божко и Л. Г. Лескова (2015) разрабатывали методологическую основу для развития моногородов Казахстана. Авторы изучали перспективы и возможности для роста экономического и социального благополучия монопрофильных территорий.

Кристина Э. Кроуфорд (Crawford, 2019) изучала моногорода на постсоветском пространстве. Проблемы моногородов в России рассматривал также С. Кроули (Crowley, 2015). В статье автор исследует основные решения и направления, связанные с развитием моногородов в период после распада СССР. Р. Хейтер (Hayter, 2008) анализировал причины деградации, перспективы и возможные решения проблем ресурсных моногородов. Т. Ронер (Rohner, 2021) представила альтернативный взгляд на возрождение моногородов Казахстана с учетом специфики поселений, рассматривая их особенности как конкурентные преимущества. Глобальный обзор явления *Company Towns* в США приводил в своей статье Х. Грин (Green, 2018). Автор рассматривал особенности и принципы формирования и функционирования фабричных поселков. Сохранению моногородов на территории Мексики с точки зрения исторического и культурного наследия посвящена работа А. А. Коллазо (Collazo, 2020). Исследованием влияния крупных компаний на жизнь монопоселений (на примере Вольфсбурга, Германия) занимались Э. Мунесируст и А. Д. Браун (Moonesirust, Brown, 2019).

К сожалению, большая часть жизненно важных для развития моногородов проблем все еще ждет решения. Более того, текущая санкционная обстановка поднимает проблему ухудшения положения монопрофильных поселений и появления новых, еще не до конца ясных вызовов, которые только

предстоит изучить. Все это справедливо для рассматриваемых моногородов Урала в современных условиях и позволяет обратить внимание на сценарное прогнозирование их развития.

Например, в работе С. Н. Растворцевой и И. В. Манаевой (2016) исследуется проблема определения места монопрофильных поселений в современной системе расселения и распределения городов России. Н. В. Зубаревич (2017) была проведена оценка реальной монопрофильности российских городов, в первую очередь по показателю доли занятых на градообразующем предприятии местных жителей.

М. С. Оборин, М. Ю. Шерешева и С. А. Иванова (2018) в своей работе анализируют государственные меры, направленные на развитие моногородов России. Проблему качества поставляемых статистических данных для изучения проблем моногородов (в том числе с использованием математических методов) рассматривала И. С. Антонова (2018). В статье автор указывала на проблемы оценки и предлагала меры по повышению качества данных по регионам с высокой концентрацией монопоселений.

В свете новых внешнеполитических реалий и кризиса в экономике, необходимо отметить и публикацию профессора Е. Ш. Гонтмахера (2008) «Сценарий: Новочеркасск–2009». В ней не только сформулирована проблема моногородов в острой стадии кризиса, но и отображены скверные перспективы бездеятельности.

Значительное число моногородов Урала уже следует относить к непривлекательным для проживания, что подтверждается высокими значениями миграционного оттока и процессами активного обезлюживания. Увеличение эмиграции трудоспособного населения напрямую влияет на конкурентоспособность: показатели деятельности градообразующих предприятий падают, что не позволяет наращивать выпуск продукции и качественно развиваться.

Одна из основных проблем – это невозможность взимать достаточное количество налогов (прежде всего – НДФЛ), что с неизбежностью сказывается на перспективах модернизации городской инфраструктуры моногородов. Так, по состоянию на 1 января 2021 г. структура налоговых доходов местных бюджетов такова, что из суммы в 1 404,5 млрд руб. 64,6% составляет НДФЛ, т.е. сегодня он является основным источником налоговых доходов муниципального уровня.⁴ При этом, согласно гл. 9 Бюджетного кодекса Российской Федерации, в зависимости от типа муниципального образования зачисление федерального НДФЛ в местные бюджеты не превышает норматива в 15%. Все это вносит существенный дисбаланс в бюджетную систему, поскольку, например, доходы бюджета Москвы за тот же 2020 г. составили 2 869 млрд руб. против 908 млрд руб. всех местных бюджетов страны. То есть простой подсчет упущенной выгоды от неполного взимания НДФЛ у местных бюджетов за 2020 г. составит приблизительно 7 959 млрд руб.

⁴ Данные об исполнении местных бюджетов в Российской Федерации на 01.01.2021 // Министерство финансов Российской Федерации. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2021/02/main/Dannye_ob_ispolnenii_mestnykh_budzhetrov_RF_-_01.01.2021.pdf.

В такой ситуации сложно говорить о способности монопоселений самостоятельно оперативно разрешать накопившиеся проблемы. Запрос на вмешательство федеральной и региональной власти более чем существенен, если не для социально-экономического роста, то для поддержания текущей жизнедеятельности поселений.

Возможность финансовой самостоятельности – это и возможность роста сферы услуг. От улучшения качества медицинских, образовательных, транспортных и торговых услуг, общего состояния городской инфраструктуры зависит концентрация населения, дальнейшая диверсификация занятости. Это обязательные условия постепенного выхода моногородов на полифункциональность.

В этой связи особенно актуальны моделирование и исследования с использованием сценарного подхода, в которых моногорода классифицированы исходя из их социально-экономического уровня и возможности реализации различных направлений устойчивого пространственного развития в системе стратегического планирования. Это работы И. М. Бухвальда (2017) и М. Г. Мееровича (2016) или монографии под редакцией И. Н. Ильиной (2013) и И.Д. Тургель (2014). Известна методика типологизации и моделирования развития моногородов, представленная в статье Д. Ю. Землянского и С. В. Ламанова (2014).

В 2020 г. в работе «Моногорода Сибири и Дальнего Востока: проблемы и перспективы развития» наш коллектив авторов представил оригинальную методику оценки уровня монопрофильности поселений, моделирования, рекомендации по повышению эффективности и конкурентоспособности градообразующих предприятий (Фомин и др., 2020; Беззвербный, Смирнов, Фомин, 2020).

Моногорода Урала были созданы в разное время благодаря наличию природных ресурсов и/или крупных промышленных объектов. Отличие уральских моногородов от сибирских и дальневосточных заключается в меньших расстояниях и небольшой удаленности от крупных административных и экономических центров. В результате системных изменений 1990-х гг. эти поселения стали⁵ территорией повышенного социально-политического риска. В связи с этим результаты моделирования сценариев развития моногородов УФО представляют несомненный научный и управленческий интерес.

Моногорода Урала: проблемы и перспективы

Согласно официальному Перечню моногородов, утвержденному распоряжением Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р (с изменениями от 08 августа 2019 г., № 1762-р), в России в настоящее время насчитывается 321 монопоселение (табл. 1).

⁵ «Моногород – это конструкт потенциально рисковый. В условиях преобразования строя или смены политической эпохи – неизбежно «схлопывание» или – в лучшем случае – упадок при ухудшении экономической ситуации» (Фомин, Беззубова, 2022, с. 38).

Таблица 1

Категории моногородов России⁶

Наименование категории	Уральский федеральный округ	В целом по России
Моногорода с наиболее сложным социально-экономическим положением («красная» зона)	12	94
Моногорода с имеющимися рисками ухудшения социально-экономического положения («желтая» зона)	14	154
Моногорода со стабильной социально-экономической ситуацией («зеленая» зона)	11	73
ВСЕГО	37	321

Источники: Составлена авторами по Перечню моногородов.

Всего в УФО⁷ 37 монопоселений или 11,5% моногородов страны, 1/3 всех городов округа. Но, в отличие от общероссийской ситуации, где основная часть приходится на моногорода с рисками ухудшения социально-экономического положения, на Урале распределение городов по официальным категориям равномерное (см. табл. 2). Причем, в Свердловской и Челябинской областях находятся 89% моногородов округа и наличествует весь спектр категорий перечня.

Население уральских моногородов – 2,4 млн человек или 19,5% населения округа (в целом по стране население моногородов – около 9,5%). Характерно, что 37 моногородов сконцентрированы в трех субъектах – Курганской (4), Свердловской (17) и Челябинской областях (16), и для них доля населения моногородов составляет уже порядка 30%. Кроме того, в Свердловской и Челябинской областях моногорода формируют монопрофильные районы (такого рода феномен есть еще только в Кемеровской области). Так, в двух районах Свердловской области сконцентрированы семь моногородов, а в двух районах Челябинской области – 11 монопоселений. На Рисунке 1 заметна кластеризация монопоселений УФО (населенные пункты находятся в относительной близости и расстояние между ними редко превышает 50 км).

⁶ При совпадении двух критериев моногород зачисляется в «проблемную зону»: прекращение работы или процедура банкротства градообразующего предприятия; предстоящее увольнение 10% его сотрудников; неблагоприятный прогноз конъюнктуры рынка; двукратное превышение уровня регистрируемой безработицы; негативная оценка ситуации жителями в опросе Службы спецсвязи и информации ФСО.

⁷ С одной стороны, в УФО на 10,6% территории страны проживает менее 8,5% ее населения, но с другой – уровень урбанизации достигает 81,4%. Два города-миллионника, а по списку Минэкономразвития здесь три агломерации со вкладом в ВВП свыше 1% (Екатеринбургская, Тюменская и Челябинская). Из шести субъектов – два супердонора (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра и Ямало-Ненецкий автономный округ – суммарно формируют 1/3 бюджета РФ), два субъекта – бездотационные доноры (Свердловская и Тюменская области) и два субъекта-реципиента (Курганская и Челябинская области). *Прим. авторов.*

Таблица 2

Моногорода в Уральском федеральном округе

Субъект	Моногорода с наиболее сложным социально-экономическим положением	Моногорода с имеющимися рисками ухудшения социально-экономического положения	Моногорода со стабильной социально-экономической ситуацией ⁽¹⁾ (SEP)
Курганская область	–	г. Далматово г. Катайск г. Петухово	пос. Варгаши
Свердловская область	г. Волчанск г. Карпинск г. Краснотурьинск г. Первоуральск г. Североуральск	г. Асбест г. Верхняя Пышма г. Верхняя Тура г. Каменск-Уральский г. Качканар г. Красноуральск	г. Верхняя Салда пос. Малышева г. Нижний Тагил г. Полевской г. Ревда г. Серов
Челябинская область	г. Аша г. Бакал г. Верхний Уфалей г. Карабаш г. Миньяр г. Нязепетровск г. Усть-Катав	г. Златоуст г. Миасс г. Сатка г. Сим г. Чебаркуль	г. Магнитогорск г. Озерск г. Снежинск г. Трехгорный
ВСЕГО	12	14	11

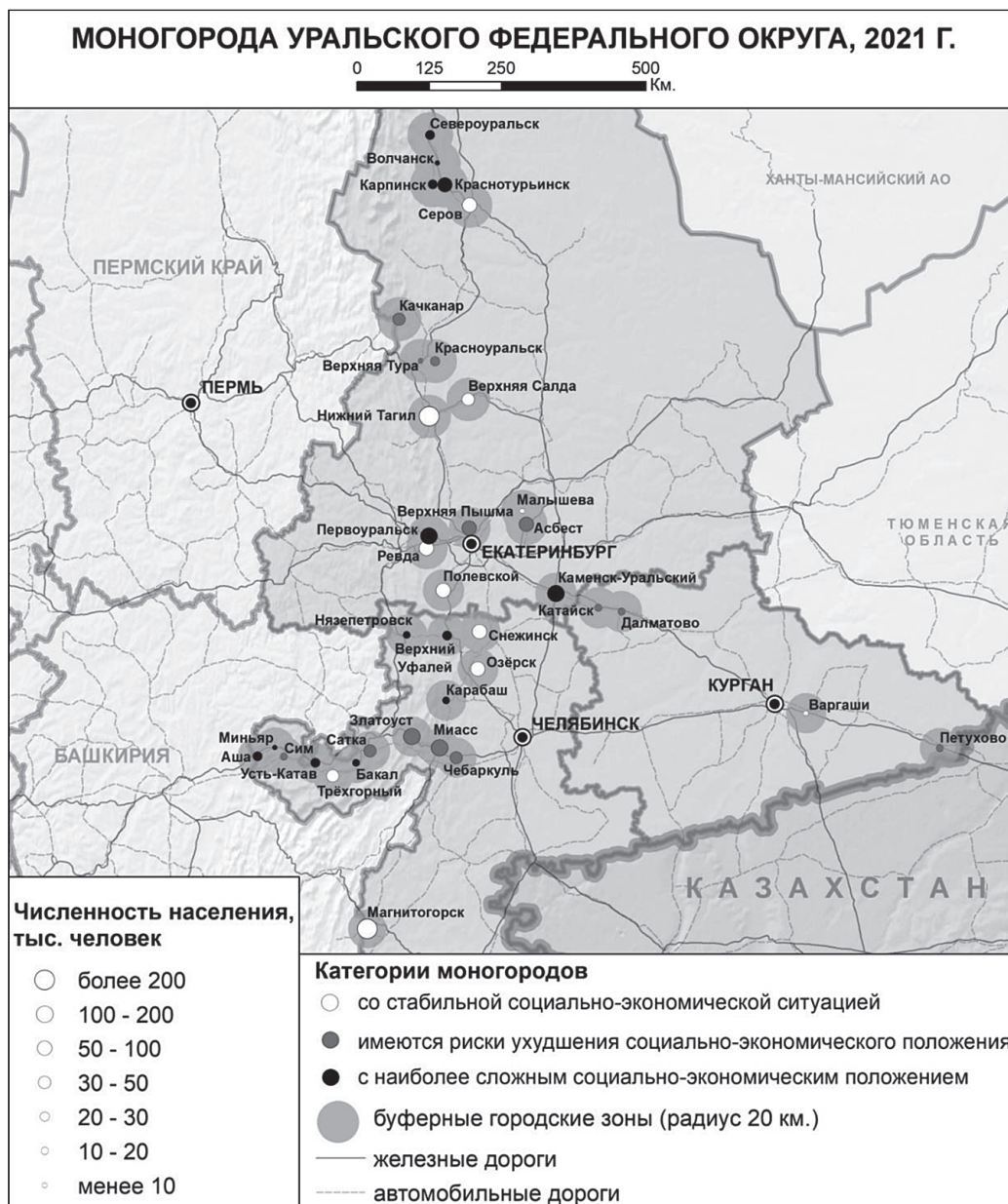
Источники: Составлена авторами по данным Перечня моногородов.

Дальнейшая типологизация 37 уральских моногородов возможна при разработке моделей их перспективного развития и соответствующей им матрицы рисков:

1. **«Диверсифицированный рост»** (использование и экономики стабильных моногородов – индустриального потенциала, и человеческого капитала; использование культуры – синергии поляризованного развития, оценки агломерационного эффекта, возможностей кооперации с предприятиями рядом находящихся городов, улучшение с ними транспортного сообщения).
2. **«Социальный баланс»** (модель, направленная на решение актуальных проблем достаточно стабильных моногородов, реализация совместных инициатив местного сообщества, властей и бизнеса по повышению комфортности городской среды и социальной обеспеченности).
3. **«Управляемое сжатие»** (оптимизация численности населения кризисного моногорода и обеспечение частичного переселения – при обеспечении занятости и социальных гарантий остающимся жителям – с учетом состояния инфраструктуры и возможности структурной перестройки городской экономики).

Рисунок 1

Моногорода Уральского федерального округа

Источники: Отдел геоурбанистики и пространственной демографии ИДИ ФНИСЦ РАН.

Нами был выбран ряд показателей: «прирост/убыль населения»; «устойчивость деятельности градообразующего предприятия»; «близость/удаленность от экономических центров»; «экологическое состояние»; «рост/снижение безработицы»; «индекс развития инфраструктуры» (5,7< или⁸ 5,7>).

⁸ Среднее значение индекса по стране – 5,7 (максимум – в Москве – 7,78 из 10).

При четырех и более положительных значениях рассматриваемых показателей фиксировалась модель «диверсифицированного роста». При четырех и более отрицательных значениях – модель «управляемого сжатия». При паритете показателей (3:3) город причислялся к модели «социального баланса». Для расчета⁹ использовались данные Росстата, Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России (НРА) и Индекс развития инфраструктуры регионов РФ (компания *InfraOne*).

Для наглядной визуализации результатов исследования предлагается группировка моногородов УФО в матрице рисков (угроз) в Таблице 3, которая демонстрирует связь категорий моногородов и перспективных моделей. Итогом становится классификация¹⁰ рассматриваемых монопоселений согласно сложившейся в них ситуации по стабильности.

Таблица 3

Матрица рисков (угроз) моногородов УФО

Перспективные модели Категории моногородов	Управляемое сжатие	Социальный баланс	Диверсифицированный рост
Моногорода с наиболее сложным социально-экономическим положением	г. Бакал г. Миньяр	г. Верхний Уфалей г. Карабаш г. Карпинск г. Нязепетровск г. Усть-Катав	г. Аша г. Волчанск г. Краснотурьинск г. Первоуральск г. Североуральск
Моногорода с имеющимися рисками ухудшения социально-экономического положения	–	г. Асбест г. Верхняя Тура г. Далматово г. Каменск-Уральский г. Катайск г. Красноуральск г. Петухово	г. Верхняя Пышма г. Златоуст г. Качканар г. Миасс г. Сатка г. Сим г. Чебаркуль
Моногорода со стабильной социально-экономической ситуацией	–	пос. Варгаши г. Верхняя Салда пос. Малышева г. Озерск г. Ревда г. Серов г. Трехгорный	г. Магнитогорск г. Нижний Тагил г. Полевской г. Снежинск

Источники: Составлена авторами (- и далее, если не указано иное).

Первая категория моногородов – модели «управляемого сжатия». Это поселения, в которых необходимо проводить политику оптимизации численности населения путем переселения – при одновременном обеспечении

⁹ Впервые аналогичная методика была применена в работе (Фомин, Безвербный, 2018).

¹⁰ Сопоставление социально-экономического и демографического положения моногородов Урала см., например: (Смирнов, Безвербный, Фомин, 2021) или (Безвербный, Фомин, Смирнов, 2020).

занятости и социальных гарантий остающимся жителям. К данной категории регионов относятся два моногорода УФО.

Вторая категория – города «социального баланса», т.е. поселения, где упор делается на развитие свободной самоорганизации населения, реализацию совместных инициатив местного сообщества, властей и бизнеса по повышению комфортности городской среды и социальной обеспеченности. К ним в рамках матрицы относятся 19 моногородов УФО.

Наконец, моногорода «диверсифицированного роста» – поселения, которые должны использовать существующий индустриальный потенциал и возможности для кооперации с предприятиями рядом находящихся городов. Сюда входит 16 моногородов УФО.

В зависимости от нахождения моногородов в ячейке матрицы, они подразделяются на три типа соответствующих действий по минимизации угроз стабильности (см. табл. 4): немедленные действия по возможной нейтрализации последствий («красный» маркер – ячейки 1, 2, 4); создание плана альтернативных действий по снижению уровня угроз («желтый» маркер – ячейки 3, 5, 7); мониторинг ситуации, ее анализ и выработка рекомендаций («зеленый» маркер – ячейки 6, 8, 9).

Таблица 4

Нумерация ячеек матрицы рисков по типам действий

Категории моногородов \ Перспективные модели	Управляемое сжатие	Социальный баланс	Диверсифицированный рост
Моногорода с наиболее сложным социально-экономическим положением	1	2	3
Моногорода с имеющимися рисками ухудшения социально-экономического положения	4	5	6
Моногорода со стабильной социально-экономической ситуацией	7	8	9

Примечание:

- 1, 2, 4 – немедленные действия по возможной нейтрализации последствий («красный» маркер);
- 3, 5, 7 – создание плана альтернативных действий по снижению уровня угроз («желтый» маркер);
- 6, 8, 9 – мониторинг ситуации, ее анализ и выработка рекомендаций («зеленый» маркер).

Таким образом, апробация перспективного моделирования за счет анализа социально-экономического развития, состояния инфраструктуры и экологии позволила определить наиболее стабильные и нестабильные моногорода Урала. Исходя из полученных результатов необходимо определить меры государственного регулирования, особенно в моногородах, которые сегодня требуют немедленных действий по минимизации угроз.

Сценарии развития

Сценарный подход исходит из предпосылки, что удастся форсировать пространственное развитие города («мастер-план» города), исходя из современных и перспективных представлений о нем. В этом случае наиболее упрощенный вариант таких сценариев можно построить на разграничении трех уровней публичной власти: ФОИВ, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления.

В связи с этим представляется необходимым формировать политику по развитию монопрофильных поселений Урала, опираясь на условно **«местный»**, или инерционный сценарий (развитие моногородов только силами администраций городов и поселений), **«региональный»** (участие в развитии моногородов сил и средств регионального уровня) и **«федеральный»** (развитие моногородов с помощью целенаправленной, скоординированной государственной политики на уровне всей страны) сценарии.

«Местный», или инерционный сценарий предполагает, что моногорода будут улучшать социальную, экономическую, промышленную и иные сферы поселения самостоятельно, что, с одной стороны, позволит развить их самостоятельность, а с другой – без возможности сбора большей части налоговых поступлений может усилить риски полного исчезновения этих поселений даже при эффективном муниципальном управлении. Иными словами, такой сценарий предполагает, что моногорода остаются без так необходимой им помощи извне, и большая их часть будет продолжать активно вымирать.

В таком случае города из ячеек 6, 8 и 9, которые имеют высокий потенциал и уровень экономического развития, остаются относительно стабильными поселениями (если не учитывать возможные потрясения на рынках отраслевой промышленности). В то же время тренд на миграционный отток и вымирание населения может сохраниться – в силу неконкурентоспособности городской среды, слаборазвитой инфраструктуры и сферы услуг такие монопрофильные поселения смогут привлекать только ограниченное число жителей, входящих, как правило, в рабочие когорты. Это позволит преодолеть экономические трудности, но лишь усилит зависимость поселений от своих градообразующих предприятий.

Моногорода из ячеек 3 и 5 из-за рисков ухудшения ситуации будут больше реагировать на экономическую нестабильность на внешних и внутренних рынках, поэтому при таком сценарии продолжат сокращение промышленного и демографического потенциала – произойдет резкое сокращение прибыли и резкий спад объемов отгрузки продукции с градообразующих предприятий, продолжится миграционный отток в наиболее привлекательные поселения регионов. Ситуация усугубится при высокой зависимости города от градообразующего предприятия, поскольку неконкурентоспособность основного экономического агента не позволит привлекать новое население взамен убывшего.

Наконец, моногорода из ячеек 1 и 2 в этом смысле находятся в более уязвимых условиях, чем остальные, поскольку в большинстве из них уже

происходит кризис: они могут лишь воспользоваться инструментами реструктуризации градообразующих предприятий и привлечь на пустующие мощности инвесторов при определенных географических, климатических, туристических и иных преимуществах. Однако, с учетом неразрешенных за эти десятилетия проблем, высок риск, что при «местном» сценарии выжить они не смогут.

Меры при «региональном» сценарии позволяют заметно улучшить экономическое состояние моногородов, отталкиваясь от существующих возможностей своих субъектов. С учетом непростой экономической ситуации, не у всех регионов есть такая возможность. Вероятнее всего, поддержку получают только наиболее развитые поселения с целью сохранения их существующего потенциала и функционирования.

Так, моногорода из ячеек 6, 8, 9 (с учетом, что их экономическое развитие часто даже превышает общерегиональное) могут постараться не просто лоббировать поддержку своих градообразующих предприятий (об этом, скорее всего, первым делом позаботятся сами региональные власти), но и пробовать включиться в различные региональные программы по улучшению сферы услуг как наиболее уязвимой и менее всего развитой в таких поселениях. Без ее развития моногорода не могут рассчитывать на высокий приток населения в дальнейшем.

Моногорода из ячеек 3, 5, 7 и 1, 2, 4 в этом сценарии получают возможность более диверсифицированной помощи. Для групп городов из ячеек 3, 5, 7 появляется возможность сохранения экономического потенциала (а приращение вряд ли произойдет) и ограничения масштабов его падения, а также шанс замедления оттока населения. Важно понимать, что инвестиции в такие поселения для области являются не самыми привлекательными, поскольку есть сложности с их возвращением в дальнейшем, однако они позволяют сохранить налоговые сборы от крупных промышленных предприятий.

Для моногородов из ячеек 1, 2, 4 такой сценарий зависит от перспектив их градообразующих предприятий – если региональный центр может постараться сохранить уникальное производство, то в большинстве случаев он это сделает. Разумеется, об улучшении в них качества городской инфраструктуры и сферы услуг речи не идет. Для рядовых городов этой группы вымирание также будет наиболее вероятным исходом.

Наконец, при «федеральном» сценарии конкретно смоделировать ситуации сложно. Очевидно, что все три группы моногородов получают существенную поддержку, однако формироваться она будет в первую очередь исходя из стратегической целесообразности градообразующих предприятий, что ставит, например, моногорода из ячеек 1, 2, 4 в уязвимую ситуацию в любом случае.

С одной стороны, маловероятно, что в городах со слаборазвитой инфраструктурой возможно привлечь частного инвестора, а сам он не заинтересован в ее развитии. С другой стороны, из уже созданных 89 только территории опережающего развития (далее – ТОР) и территории опережающего социально-экономического развития (далее – ТОСЭР) в России находятся

в моногородах условно нами выделенных «зеленой» зоны – 20,9%, «желтой» зоны – 37,2%, «красной» зоны – 41,9%. В пересчете на общее число моногородов в группе («зеленые» – 24,7% от общего числа, «желтые» – 20,8%, «красные» – 38,3%) получается, что ТОР и ТОСЭР чаще всего создают именно в слаборазвитых, с точки зрения государства, поселениях. В иных случаях можно было бы рассчитывать на федеральные программы по развитию инфраструктуры, однако без экономического потенциала эти деньги будут тратиться впустую, поскольку вероятность положительного экономического эффекта от этих трат в будущем минимальна. Что касается остальных групп городов, то федеральные меры будут работать по аналогии с региональными, с той лишь разницей, что они будут иметь более комплексный характер и большие объемы финансирования. Все это, разумеется, не просто повлияет на сохранение потенциала данных поселений, но и позволит его развить в дальнейшей перспективе.

В силу того, что, помимо моногородов УФО, по всей России существуют, по меньшей мере, еще несколько сотен подобных поселений, которым также необходима помощь, есть высокая вероятность, что «федеральный» сценарий не будет иметь заметной эффективности в наименее привлекательных для государственной безопасности и стабильности моногородах. Это значит, что развивать большую часть своих моногородов необходимо самим субъектам Российской Федерации (в том числе в кооперации друг с другом).

В уральских субъектах Российской Федерации ситуация до конца не ясна. Так, Свердловская область в 2017 г. приняла приоритетную региональную программу «Комплексное развитие моногородов» в рамках одноименной федеральной программы. Однако после 2019 г. данные открытых источников показывают, что обновлений этой программы не было, заседания органов управления проектной деятельностью не проводились.¹¹

В Челябинской области сложилась похожая ситуация. В 2017 г. была принята программа «Комплексное развитие моногородов Челябинской области».¹² Однако какой-либо информации о ее реализации после 2019 г. нет. По Курганской области таких документов в открытых источниках вообще не обнаружено.

Поскольку указанные выше документы комплексного развития моногородов Урала сегодня находятся в подвешенном состоянии, властям моногородов приходится решать свои проблемы в одиночку. Иными словами, следует констатировать, что сегодня в моногородах Урала реализуется преимущественно «местный» сценарий. Если же поддержка в этой ситуации и планируется, то она носит точечный характер.

Очевидно, что применение каждого из предложенных сценариев развития необходимо планировать и реализовывать в соответствии со сложив-

¹¹ Приоритетная региональная программа «Моногорода» // Министерство инвестиций и развития Свердловской области. URL: <https://mir.midural.ru/prioritetsnaya-regionalnaya-programma-monogoroda?ysclid=l7rdrdvc2w469590277>.

¹² Приоритетные проекты Челябинской области // Министерство экономического развития Челябинской области. URL: <https://mineconom.gov74.ru/mineconom/delete/prioritetnye-proekty-chelyabinskoy-oblasti/monogoroda-0.htm?easy=true&andsclid=l7rf92ii7z876157980>.

шейся ситуацией в поселении: ни один из указанных сценариев не является универсальным одновременно для поселений различного уровня развития. Например, если города из ячеек 1, 2, 4 предполагают немедленные действия, то в таких городах, как Бакал и Миньяр, необходима реализация политики «управляемого сжатия» посредством сил федерального уровня. Следует разработать стратегию по оптимизации рабочей силы в соответствии с мощностями, которые обеспечивают полезный выпуск объема на градообразующих предприятиях этих городов. В свою очередь, такие города, как Верхний Уфалей, Карабаш, Карпинск, Нязепетровск и Усть-Катав, должны за счет федеральных программ вовлекаться в проекты по развитию комфортной городской среды, т.е. соблюдать «социальный баланс», ликвидируя разрыв по уровню жизни с более привлекательными для переезда населения местами.

Политика снижения угроз, которая предполагается для городов в ячейках 3, 5 и 7, возможна в большинстве случаев за счет взаимодействия этих поселений с региональным уровнем. Так, в городах Волчанск, Краснотурьинск, Первоуральск и Североуральск Свердловской области возможна политика «диверсифицированного роста», в том числе за счет кооперации моногородов друг с другом в силу их географической близости. В свою очередь, город Аша может стать главным узлом этой кооперации в Челябинской области. Для обеих областей необходимо принятие региональной стратегии на этот счет. Политика «социального баланса» в городах Асбест, Верхняя Пышма, Верхняя Тура, Далматово, Каменск-Уральский, Катайск, Красноуральск и Петухово не отличается от указанной ранее, однако в этом случае (нежели для моногородов из ячейки 2) будет достаточно региональной поддержки.

Наконец, мониторинг ситуации, который предполагается в городах из ячеек 6, 8, 9, а именно политика «диверсифицированного роста» в городах Магнитогорск, Нижний Тагил, Полевской и Снежинск, а также «социальный баланс» в поселках Варгаши, Малышева, городах Верхняя Салда, Озерск, Ревда, Серов и Трехгорный возможна силами местного уровня. Однако здесь следует помнить об ограничениях, которыми связаны местные власти, в том числе о небольшом наборе инструментов для управления развитием. В то же время этот набор достаточен для мониторинга ситуации и в большинстве случаев позволит сосредоточить региональные ресурсы поддержки на иных поселениях – моногородах, которым без вмешательства региона и федерации грозит кризисное состояние.

Заключение

Сегодня можно утверждать, что деятельность по государственной поддержке монопоселений не возымела должного эффекта, и есть большие вопросы к эффективности расходования бюджетных средств на эти нужды. Проблема есть, и она не решается уже десятилетиями, поэтому имеет смысл просто дать возможность этим поселениям развить их экономическую самостоятельность, сняв в том числе нормативные барьеры в налогообложе-

нии. Это наиболее рациональный способ поддержки, поскольку если предположить «региональный» или «федеральный» сценарий, то развитие будет следовать логике поддержки наиболее стратегически важных поселений, тогда как остальные просто не смогут решать накопившиеся проблемы собственными силами.

В связи с этим авторы настоящего исследования полагают, что имеющиеся проблемы и риски развития можно разрешить лишь при изменении существующего подхода к государственной политике моногородов. На примере тех же городов Урала целесообразно в ходе пилотных проектов (например, моногородов из ячеек 1, 2) изменить межбюджетные отношения в пользу большей самостоятельности. Если же это невозможно в силу того, что бюджетное законодательство не позволяет менять межбюджетные отношения в пилотном режиме, то представляется необходимым искать иной способ, например, внести изменение в гл. 9 Бюджетного кодекса и в соответствующий Федеральный закон N 131-ФЗ,¹³ добавив туда монопрофильное поселение как отдельный тип муниципального образования.

Наполняемость бюджетов моногородов должна идти от деятельности собственных градообразующих предприятий, поэтому норматив взимания НДС должен быть повышен до более приемлемых значений. На первых порах это не решит проблему полностью, поскольку не все градообразующие предприятия являются сегодня рентабельными.

На втором этапе появится стимул в кооперационной деятельности муниципальной власти и градообразующих предприятий, поскольку, если городской бюджет будет зависеть от их прибыли, у властей появится понятная мотивация для помощи крупному бизнесу.

На третьем этапе необходимо повышать мотивацию собственников предприятий на кооперацию с муниципальными властями. На данный момент она видится в выгоде от улучшения инфраструктуры, на что были направлены усилия Фонда по развитию моногородов – местные власти, зная, что бюджет зависит от рентабельности градообразующих предприятий, направляют средства на улучшение качества инфраструктуры для повышения инвестиционной привлекательности как поселения, так и самого предприятия, а это в дальнейшем позволит улучшать ресурсную базу предприятий. Круг замыкается, и система работает с удобством для всех ее участников.

Риск предлагаемого подхода очевиден – недобросовестность исполнения обязанностей, коррупция, а также возможный общий невысокий уровень управления на местах как в муниципалитетах, так и на предприятиях, общая чувствительность государства по вопросам бюджетного федерализма. Однако, поскольку риски моногородов продолжают накапливаться, а проблемы не решаются десятилетиями, предложенный нами подход следует расценивать как один из возможных вариантов решения трудностей моногородов.

¹³ Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аверкиева К.В., Антонов Е.В., Денисов Е.А., Фаддеев А.М. Территориальная структура городской системы севера Свердловской области // Известия Российской Академии наук. Серия географическая. 2015. № 4. С. 24–38.
2. Антонова И.С. Регионы с высокой концентрацией моногородов: проблемы повышения качества данных // Вестник КемГУ. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 3. С. 62–68.
3. Безвербный В.А., Смирнов О.О., Фомин М.В. Социально-экономическое и демографическое положение моногородов «красной зоны» Свердловской области: сценарии развития // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. 2020. № 6. С. 32–54. DOI: 10.26653/2076-4685-2020-6-03.
4. Божко Л.Л., Лескова Л.Г. Совершенствование методологических подходов к управлению развитием моногородов в Республике Казахстан // Муниципалитет: экономика и управление. 2015. Т. 12, № 3.
5. Бухвальд Е.М. Моногорода в системе стратегического планирования в России // Теория и практика общественного развития. 2017. URL: <https://doi.org/10.24158/tipor.2017.12.16>.
6. Гонтмахер Е. Сценарий: Новочеркасск–2009 // Ведомости. 2008. 06 ноября.
7. Дмитриева Е.О. Государственная поддержка моногородов РФ в условиях восстановления экономического роста // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». 2017. Т. 9, № 1. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/37EVN117.pdf>.
8. Зайнутдинов Р.Р. Моноотраслевые регионы России: определение, типологизация и перспективы развития // Экономика региона. 2015. № 4. С. 106–122.
9. Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Монопрофильные города России: блокировки и драйверы инновационного поиска // Форсайт. 2016. Т. 10, № 3. С. 53–64.
10. Землянский Д.Ю., Ламанов С.В. Сценарии развития монопрофильных городов России // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2014. № 4. С. 69–74.
11. Зубаревич Н.В. Трансформация рынков труда российских моногородов // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2017. № 4. С. 38–44.
12. Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Моногорода России: от аутсайдеров к лидерам экономического развития // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2017. № 5. С. 7–21.
13. Иванова М.В. Тенденции и особенности развития моногородов в России и повышение их конкурентоспособности // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1. С. 86–91. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-86-91.
14. Каримова А.Б., Алишева М.Б., Турсынова Т.Т. Проблемы моногородов в Республике Казахстан // Вестник Науки и Творчества. 2016. Т. 8, № 8. С. 58–62.

15. Кутергина Г.В., Лапин А.В. Управление развитием моногородов: отечественные и зарубежные подходы к моделированию // Вестник Пермского университета. 2015. Вып. 3. Т. 26. С. 69–77.
16. Меерович М.Г. Модельные решения для моногородов и сценарии их развития. 2016. URL: <https://www.ranepa.ru/images/News/2016-11/17-11-2016-meerovich-doklad-reshenia.pdf>.
17. Нурланова Н.К. Города как точки роста экономического пространства Казахстана: тенденции и перспективы развития // Проблемы развития территории. 2016. Т. 85, № 5. С. 201–216.
18. Оборин М.С., Шерешева М.Ю., Иванова С.А. Анализ результатов государственной поддержки и тенденций развития моногородов РФ // Государственное управление. Электронный вестник. Июнь 2018. № 68. С. 211–241.
19. Пятшева Е.Н. Особенности функционирования моногородов России // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 2. С. 18–34. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-2-18-34.
20. Развитие моногородов России: монография / под ред. проф. И.Н. Ильиной. М.: Финансовый университет, 2013.
21. Растворцева С.Н., Манаева И.В. Моногорода в системе размещения производительных сил регионов РФ // Вопросы территориального развития. 2016. Вып. 5. Т. 35. С. 1–9.
22. Смирнов О.О., Безвербный В.А., Фомин М.В. Сопоставление социально-экономического и демографического положения моногородов Урала // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. 2021. № 2. С. 53–70. DOI: 10.26653/2076-4685-2021-2-05.
23. Тургель И.Г. Монофункциональные города России: от выживания к устойчивому развитию. М.: Директ-Медиа, 2014.
24. Фомин М.В., Безвербный В.А. Пространственный каркас Сибири и Дальнего Востока России в условиях демографического сжатия: «вторые» и «третьи» города // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2018. № 6. С. 33–53. DOI: 10.26653/2076-4685-2018-6-03.
25. Фомин М.В., Безвербный В.А., Шушпанова И.С., Лукашенко Е.А., Микрюков Н.Ю., Мирязов Т.Р. Моногорода Сибири и Дальнего Востока России: потенциал и перспективы развития // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 1. С. 137–165.
26. Фомин М.В., Беззубова О.В. Метафизика моногородов: Пространство vs. Время // Вопросы философии. 2022. № 4. С. 37–46. DOI: 10.21146/0042-8744-2022-4-37-46.
27. Чаркина Е.С., Мирошников С.Н. Развитие моногородов: проблемы и решения // Теоретическая и прикладная экономика. 2017. № 2. С. 46–53.
28. Шаститко А.Е., Фатихова А.Ф. Моногорода. Новый взгляд на старую проблему // Балтийский регион. 2015. № 1. С. 7–35.

29. Aron L. Russia's 'Monotowns' Time Bomb // *Russian Outlook*. 2009b. October 19.
30. Rohner T. The second life of the Monotown: Questioning narratives of failed Soviet urban modernity in contemporary Kazakhstan. In: Schmidt, Matthias. *Beyond post-Soviet: layered legacies and transformations in Central Asia*. Universität Augsburg, Augsburg, 2021. P. 64–74.
31. Crawford Ch. E. Monotown: urban dreams brutal imperatives // *Journal of Urban Design*. 2021. Vol. 26, no. 1. P. 133–135.
32. Crowley S. Monotowns and the political economy of industrial restructuring in Russia // *Post-Soviet Affairs*. 2016. Vol. 32, no. 5. P. 397–422.
33. Hayter R. *Single Industry Resource Towns. A Companion to Economic Geography*. Book Editor(s): E. Sheppard, T. J. Barnes. 2017.
34. Green H. Company Towns in the United States locked. 2018. URL: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780199329175.013.569>.
35. Collazo A.A. Preservation of company towns in Mexico. *The Sustainable City XIV // Conference Paper: SUSTAINABLE CITY*. 2020.
36. Moonesirust E., Brown A.D. Company towns and the governmentality of desired identities // *Human Relations*. 2021. Vol. 74, no. 4. P. 502–526. URL: <https://doi.org/10.1177/0018726719887220>.

REFERENCES

---

1. Antonova, I.S. (2018) 'Regions with a high concentration of company towns: problems of improving data quality', *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, 3, pp. 62–68. (In Russian).
2. Aron, L. (2009) 'Russia's "monotowns" time bomb', *Russian Outlook*, October 19.
3. Averkieva, K.V., Antonov, E.V., Denisov, E.A. and Faddeev, A.M. (2015) 'Territorial structure of the urban system of the North of the Sverdlovsk Region', *Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Series geographical*, 4, pp. 24–38. (In Russian).
4. Bezverbny, V.A., Smirnov, O.O. and Fomin, M.V. (2020) 'Socio-economic and demographic situation in the «red zone» monotowns of the Sverdlovsk Region: Development scenario', *Nauchnoe obozrenie. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*, 6, pp. 32–54. DOI: 10.26653/2076-4685-2020-6-03. (In Russian).
5. Buchwald, E.M. (2017) 'Company Towns in the strategic planning system in Russia', *Theory and practice of social development*. Available at: <https://doi.org/10.24158/tipor.2017.12.16> (accessed 30 April 2022). (In Russian).
6. Charkina, E.S. and Miroshnikov, S.N. (2017) 'Development of company towns: Problems and solutions', *Theoretical and applied economics*, 2, pp. 46–53. (In Russian).
7. Collazo, A.A. (2020) *Preservation of company towns in Mexico. The Sustainable City XIV. Conference Paper: SUSTAINABLE CITY*. 2020.

8. Crawford, C.E. (2021) 'Monotown: urban dreams brutal imperatives', *Journal of Urban Design*, 26 (1), pp. 133–135.
9. Crowley, S. (2016) 'Monotowns and the political economy of industrial restructuring in Russia', *Post-Soviet Affairs*, 32 (5), pp. 397–422.
10. Dmitrieva, E.O. (2017) 'State support of company towns of the Russian Federation in the conditions of economic growth recovery', *Science Studies*, 9(1). Available at: <http://naukovedenie.ru/PDF/37EVN117.pdf> (accessed 30 April 2022). (In Russian).
11. Fomin, M. and Bezzubova, O. (2022) 'Metaphysics of company towns: Space vs. time', *Voprosy Filosofii*, 4, pp. 37–46. DOI: 10.21146/0042-8744-2022-4-37-46. (In Russian).
12. Fomin, M.V. and Bezverbny, V.A. (2018) 'The spatial framework of Siberia and Far East of Russia in condition of demographic shrinking: "Second" and "Third" cities', *Nauchnoe obozrenie. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*, 6, pp. 33–53. DOI: 10.26653/2076-4685-2018-6-03. (In Russian).
13. Fomin, M.V. at al. (2020) 'Company towns of the Siberia and Russian Far East: Potential and development prospects', *Public Administration Issues*, 1, pp. 137–165. (In Russian).
14. Gontmacher, E. (2008) 'Scenario: Novochoerkassk–2009', *Vedomosti*, November 06. (In Russian).
15. Green, H. (2018) *Company Towns in the United States locked*. DOI: 10.1093/acrefore/9780199329175.013.569.
16. Hayter, R. (2017) 'Single industry resource towns', in: Sheppard E., Barnes T. J. (Eds.). *A companion to economic geography*. Blackwell Publishing Ltd. DOI: 10.1002/9780470693445.
17. Ivanov, O. and Bukhvald, E. (2017) 'Company towns of Russia: From outsiders to leaders of economic development', *STAGE: economic theory, analysis, practice*, 5, pp. 7–21. (In Russian).
18. Ivanova, M.V. (2018) 'Trends and Features of the Development of Company Towns in Russia and Increasing their Competitiveness', *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, 1, pp. 86–91. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-86-91. (In Russian).
19. Karimova, A.B., Alisheva, M.B. and Tursynova, T.T. (2016) 'Problemy monogorodov v Respublike Kazahstan', *Vestnik Nauki i Tvorchestva*, 8 (8), pp. 58–62. (In Russian).
20. Kutergina, G.V. and Lapin, A.V. (2015) 'Managing the development of company towns: domestic and foreign approaches', *Vestnik of Perm University*, 3(26), pp. 69–77. (In Russian).
21. Meerovich, M.G. (2016) *Model solutions for company towns and scenarios of their development*. Available at: <https://www.ranepa.ru/images/News/2016-11/17-11-2016-meerovich-doklad-reshenia.pdf> (accessed 30 April 2022). (In Russian).
22. Moonesirust, E. and Brown, A.D. (2021) 'Company towns and the governmentality of desired identities', *Human Relations*, 74(4), pp. 502–526. Available at: <https://doi.org/10.1177/0018726719887220>.

23. Nurlanova, N.K. (2016) 'Cities as a growth point of economic space in Kazakhstan: Trends and prospects', *Problems of Territory's Development*, 5 (85), pp. 201–216. (In Russian).
24. Oborin, M.S., Sheresheva, M.Yu. and Ivanova, S.A. (2018) 'Analysis of the results of state support and trends in the development of company towns of the Russian Federation', *Public administration, Electronic Bulletin*, June, 68, pp. 211–241. (In Russian).
25. Pyatsheva, E.N. (2019) 'The Functioning Features of Company Towns in Russia', *RSUH/RGGU Bulletin. Economics. Management. Law Series*, 2, pp. 18–34. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-2-18-34. (In Russian).
26. Rastvortseva, S.N. and Manaeva, I.V. (2016) 'Company Towns in the System of Placement of Productive Forces of Regions of the Russian Federation', *Questions of territorial development*, 5(35), pp. 1–9. (In Russian).
27. Rohner, T. (2021) 'The second life of the Monotown: Questioning narratives of failed Soviet urban modernity in contemporary Kazakhstan', in: Schmidt, M. (Ed.) *Beyond post-Soviet: layered legacies and transformations in Central Asia*. Augsburg: Universität Augsburg, pp. 64–74.
28. Shastitko, A.E. and Fatikhova, A.F. (2015) 'Company towns a new look at the old problem', *Baltic region*, 1, pp. 7–35. (In Russian).
29. Smirnov, O.O., Bezverbny, V.A. and Fomin, M.V. (2021) 'Comparison of the socio-economic and semographic situation of the Ural monotowns', *Nauchnoe obozrenie. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*, 2, pp. 53–70. DOI: 10.26653/2076-4685-2021-2-05. (In Russian).
30. Ilyina, I.N. (ed.) (2013) *The development of company towns of Russia: Monograph*. Moscow: Finansovyy universitet. (In Russian).
31. Turgel, I.G. (2014) *Monofunctional cities of Russia: From survival to sustainable development*. Moscow: Direct-Media. (In Russian).
32. Zajnutdinov, R.R. (2015) 'Single-industry regions of Russia: Definition, typology and prospects of development', *Economy of region*, 4, pp. 106–122. (In Russian).
33. Zamyatina, N.Yu. and Pilyasov, A.N. (2016) 'Company towns of Russia: Lock and drivers of innovation search', *Foresight and STI Governance*, 10(3), pp. 53–64. (In Russian).
34. Zemlyansky, D.Y. and Lamanov, S.V. (2014) 'Scenarios of development for company towns in Russia', *Vestnik of Moscow University. Series 5, Geography*, pp. 69–74. (In Russian).
35. Zhunussova, A.J. and Tleuberdiyeva, S.S. (2017) 'Single-industry towns of Kazakhstan', *Scientific aspirations*, 21, pp. 78–79.
36. Zubarevich, N.V. (2017) 'The transformation of the labor markets of the Russian company towns', *The Moscow University Herald. Series 5, Geography*, 4, pp. 38–44. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 25.08.2022;
одобрена после рецензирования 06.09.2022;
принята к публикации 15.09.2022.